

Личность в контексте культуры

Клэр Данн

КАРЛ ЮНГ: ИЗРАНЕННЫЙ ЛЕКАРЬ ДУШИ* (Перевод с английского Алексея Лисогора)

Юнг и Фрейд

«Первый по
важности человек
моей жизни»

Из Америки К. Юнг возвращался вместе с З. Фрейдом, о котором отзывался как о «по-настоящему первом по важности человеке моей жизни». Это происходило в 1909 году, годом спустя после проведения в Зальцбурге I Международного конгресса по психоаналитике, на котором они оба получили приглашение выступить с лекциями в Массачусетсе, в университете Кларка, после чего им обоим была присвоена почетная степень доктора права.

«Ну вот, теперь после имени я смело могу указать: Карл Юнг, доктор права. Впечатляет, да? <...> Фрейд на седьмом небе от счастья, и я всем сердцем рад видеть его таким» [1].

Став уже широко известным успешно практикующим врачом, параллельно публикуя свои научные статьи и читая лекции в университетах Швейцарии, К. Юнг, не побоявшись загубить свою дальнейшую академическую карьеру, в году гонений на психоаналитику открыто встал на сторону З. Фрейда и поддержал его передовые по тому времени идеи.

* *Dunne C. Carl Jung: wounded healer of soul. An illustrated biography. N.-Y.: Parabola books, 2000.*

Продолжение. Начало: Развитие личности. 2007. №2. С. 233–247; №3. С. 238–247.

«Великолепная
изоляция»
З. Фрейда

З. Фрейд, находясь в «великолепной изоляции», на стыке веком основывает в Вене психоаналитическое движение, а уже в 1905 году обнародованные им сведения по сексуальному инстинкту детства приносят его имени «максимум одиозности».

В самом начале XX века К. Юнг прочитывает фрейдовскую книгу *«Толкование снов»*, которая после выхода произвела эффект разорвавшейся бомбы, настолько сильно отличалась она от господствующих тогда научных взглядов, и «... обнаружил, как здорово она согласуется с моими собственными идеями». После этого он начинает цитировать З. Фрейда в своих статьях и лекциях, а начиная с 1906 года, когда он решился послать тому свои публикации, между ними завязывается переписка. Однако начиная прямо с самого первого письма К. Юнга к З. Фрейду уже можно было проследить наметившиеся между ними различия.

Изначальные
различия взглядов

«Хотя генезис истерии преимущественно сексуальный, все же, на мой взгляд, он не определяется лишь исключительно так. Аналогичным образом я смотрю на всю Вашу теорию сексуальности» [2].

«Дорогой коллега!

Ваши статьи навели меня на мысль, что Ваша высокая оценка моей психологии не распространяется, к

Всемирная конференция психологов, Университет Кларка, Вустер, Массачусетс, 1909. К.Г. Юнг (первый ряд, третий справа) давал лекции по ассоциативному эксперименту. Зигмунд Фрейд, справа от Карла Юнга, описал психоаналитический метод. Оба получили почетные докторские степени в Университете Кларка

моему огромному сожалению, на все мои взгляды относительно истерии и проблемы сексуальности. Но смею надеяться, что со временем Вы намного ближе подберетесь к моей позиции, чем сегодня это Вам кажется возможным. <...>

С самым искренним уважением к Вам –
док. Фрейд» [3].

Первая встреча

На следующий год выходит в свет книга К. Юнга по шизофрении, где в одном месте предисловия он указывает, что «...своей книгой обязан выдающимся открытиям З. Фрейда», а в другом подчеркивает, что «...не претендует на истину в последней инстанции, допуская любые другие независимые суждения». Спустя короткое время З. Фрейд приглашает К. Юнга к себе в Вену.

«В нем не было ничего тривиального и банального»

«Я пришел к нему в час дня – и мы практически без пауз проговорили целых тринадцать часов. Фрейд оказался по-настоящему первым по важности человеком, которого я когда-либо встречал в своей жизни; никого не могу припомнить другого, кто мог бы сравниться с ним. В нем не было ничего тривиального и банального. Необыкновенно умен и проницателен. Одним словом, очень замечательный человек, но мое первое впечатление о нем осталось чуточку смазанным: я так и не смог до конца разобраться в нем.

Он сразу подробно изложил мне свою теорию сексуальности и, хотя все то, что он поведал мне о ней, очень впечатлило меня, все же его слова не сняли моих сомнений. Пытаясь озвучить их, я несколько раз возвращался к ним в последующем разговоре, но каждый же раз он отмахивался, приписывая мои колебания недостатку опыта по ней. А Фрейд оказался прав: последующая жизнь показала, что в те дни у меня действительно не было еще накоплено достаточного опыта, чтобы достойно подкреплять свои возражения. <...>

«Сомнительным показалось мне его отношение ко всему духовному»

Помимо всего прочего весьма сомнительным показалось мне его отношение ко всему духовному. С крайней подозрительностью он смотрел на духовность человека, где и как не выражалась бы она – в нем самом или же в произведениях искусства, считая ее проявлением сдерживаемой сексуальности. Все, что не могло быть непосредственно истолковано как «сексуальность», он относил к «психосексуальности». Я протестовал. <...> Тогда получается, что культура – это сущий фарс, не более чем просто следствие сдерживаемой сексуальности. «Ну да, – соглашается он, так и есть. Это наш рок, которому мы бессильны противос-

тоять». Абсолютно не разделяя его точку зрения, я весь кипел внутри, но умолкал, не в силах спорить с ним из-за своей тогдашней некомпетентности» [4].

«Отец» и «сын»

Вскоре З. Фрейд начал относиться к К. Юнгу как к собственному сыну и наследнику. Сам же К. Юнг видел в нем отца только лишь небольшой период времени – их отдалила друг от друга не столько 19-летняя разница в возрасте, сколько все нарастающее, как снежный ком, расхождение своих позиций.

Общение в письмах

Формат их личных встреч носил, главным образом, эпистолярный характер. За семь лет общения их взаимная переписка, представляющая из себя не только обмен мнениями по самым разным научным вопросам, взглядами на будущее психиатрического движения и дискуссиями по историям болезни своих пациентов и по методикам работ своих коллег, но еще отображающая их личные взаимоотношения и частные жизни обоих, заняла не один толстенный том. К. Юнг завещал опубликовать эти письма не ранее тридцати лет со дня своей смерти. Будучи уже 83-летним стариком, он как-то раз обмолвился о них, как о «к сожалению, вовремя не уничтоженном напоминании о том невероятном безумии, которое наполняло дни моей молодости». И действительно, когда некоторая часть его обширной переписки все еще ждала своего часа к публикации, именно эти письма открыли нам многие неизвестные ранее аспекты его личности.

Уже в самом начале развития своих отношений с З. Фрейдом К. Юнг признается тому, что со своей стороны сразу ставший господствующим эмоциональный подтекст во взаимоотношениях с ним вызван весьма сильным влиянием одного из эпизодов отрочества, когда опыт общения с одним из друзей семьи Юнгов, мужчиной средних лет, оказался сильно травмирующим для мальчика [5].

Сексуальный подтекст общения

«В своих двух последних письмах Вы тонко намекаете на мою лень писать Вам. <...> На самом же деле – и я, пересиливая сейчас себя, признаюсь Вам <...> мое благоговение перед Вами и почитание Вас несет в себе отенок своеобразной «фанатичной» любви. Хотя это почти не беспокоит меня, все же из-за наличия явного эротического подтекста я чувствую себя, в общем-то, гадко и нелепо. Это омерзительное ощущение уходит корнями в детство: однажды я стал жертвой сексуальных домогательств человека, которого перед этим ну просто обожал всеми фибрами своей юной души. <...>

И вот это самое чувство, от которого до сих пор так и не смог избавиться, существенно мешает мне» [6].

Взаимное
удовольствие
от общения

«Любезнейший профессор Фрейд!

Сердечно благодарю Вас за письмо! Ваши слова изумили и обрадовали меня до глубины души. Вы абсолютно правы, что превозносите юмор как единственно правильную и заслуживающую внимания реакцию на неизбежное... Я тоже стараюсь придерживаться точно такого же принципа, хотя не всегда, правда, у меня это получается» [7].

Ничто не сдерживалось и не утаивалось в отношениях между этими двумя людьми. Они находили друг в друге прекрасного высокоинтеллектуального собеседника, с радостным волнением открывая для себя новые, порой неожиданные стороны другого, да и просто получая взаимное удовольствие от общения. Когда же для психоанализа настали трудные времена, когда язвительные критики не упускали ни малейшей возможности публично «выпороть» его, К. Юнг без колебания встал на сторону З. Фрейда, являя нам пример своей высокой нравственности.

«Любезнейший профессор Фрейд!

Как здорово Вы уложили на лопатки нашего «шотландюшку», этого подобострастного бастарда и лизоблюда. Надеюсь, не скоро он еще очнется от Вашей свирепости, с которой Вы так набрасывались на него.

К.Г. Юнг. Фотография сделана примерно во время начала его семилетней переписки с основателем психоанализа Зигмундом Фрейдом

Браво! Так ему и надо! Пусть до оскомины запомнит он теперь этот терпкий привкус эффективности психоанализа. Двумя руками подписываюсь под Вашими последними словами. Да, такова природа этих зверей, мнящих себя критиками. Вся содержащаяся в нем мерзость, которую я запросто читал по его лицу, так и изливалась из его глотки. Уповаю на Бога, что со своими куриными мозгами он все же смог уяснить для себя все истины, которые Вы с такой предельной ясностью вдалбливали в него. <...> Будь я на Вашем месте, то тоже задал бы ему такую трепку, что напрочь выбил бы из него весь этот комплекс уличного пацана-беспризорника» [8].

В конце 1980 года в связи с ожиданием скорого появления на свет единственного сына К. Юнга – Франца, переписка приобрела более очаровательный характер, начало которому положили заботливо-внимательные пожелания З. Фрейда.

Наставление
на отцовство

«Как же далеко до рассвета! Ночь только началась, и будет долгой, и нужно всячески оберегать огонь в светильнике. <...> Чаю, что судьба вновь сделает Вас отцом. <...> Вы мне напишите и успокойте старика, что молодчина мама чувствует себя хорошо, ладно? Ведь Вам, своему мужу, она должна быть более дорога и любима, чем дети, которых она подарила Вам, – по аналогии с научной методикой, которая намного ценнее любых полученных с ее помощью результатов» [9].

«Любезнейший профессор Фрейд!

Сердечно благодарю Вас за поздравительную телеграмму! Вы даже не представляете, как мы обрадовались ей. Роды прошли нормально, мать и сын чувствуют себя хорошо» [10].

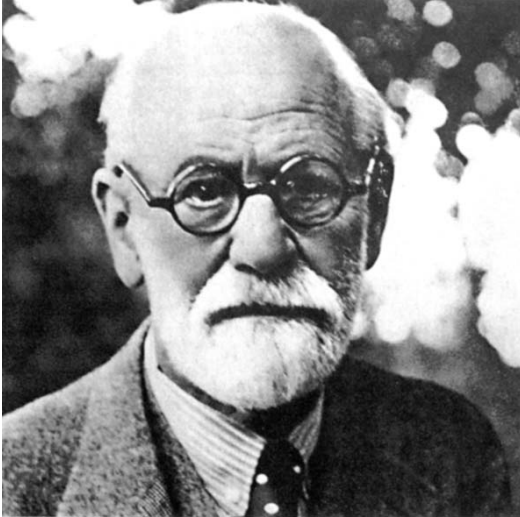
Общение с дочерью
по методу
психоанализа

«Послушайте-ка, что выкинул тут накануне моя четырехлетняя Агата, когда за день до рождения Франца я спросил у нее, что сказала бы она на то, если совсем скоро аист принесет ей в клюве маленького братика? «Я? Умру со смеху», – ничуть не задумываясь, ответила она со смущенным, но лукавым выражением и легко ушла от продолжения темы, сразу переключившись на другие мысли. А ночью родился сын. Рано утром я поднес Агатку к лежащей в постели Эмме (та после родов выглядела бледной и изнуренной): напрягшись, она с тревогой молчком смотрела на маму, не выказывая никакой радости. Чуть погодя, когда Эмму оставили отдыхать одну, малышка внезапно вбежала к ней, забралась на постель, обвила ее ручками за шею и с волнением и дрожью в голосе запричитала: «Мамочка, мамочка, ты же не собираешься умирать, правда ведь? Мамочка, не умирай, ну пожалуйста, не умирай!» <...>

Жене с трудом удалось успокоить ее. Сказала (по моему совету) ей, что дети вырастают в ней словно цветы на растениях <...>. На следующий день мне тоже пришлось слечь из-за гриппа. Где-то перед обедом Агатка робко вошла ко мне в комнату с испуганным личиком и не приближалась ко мне, а остановившись прямо у порога, тихо спросила: «А у тебя в животике тоже есть растение?» Боже, как она весело выбежала потом, когда я исключил такую возможность» [11].

«Не ребенок, а просто очаровательное чудо! Буквально вчера слышал, как Агата расписывала бабушке

Психосексуальное
просвещение дочери

- З. Фрейд, 1938 (за год до его смерти).
 З. Фрейд представлял себя как фигуру отца по отношению к К.Г. Юнгу. Согласно мифу об Эдипе, сын должен убить своего отца.
 З. Фрейд считал, что этот миф раскрывает природу сексуальной ревности; для К.Г. Юнга данный миф был лишь метафорой смены старого поколения подрастающей молодежью

Ответственность
к взаимной
переписке

прелести своего крохи-брatца: “Ты только посмотри на эти хорошие пяточки!”» [12].

«Девочка просто жаждет до всего нового и восхитительным образом впитывает в себя мои объяснения. Теперь она полностью представляет себе акт рождения, что и озвучила однажды в своей игре: сунув под юбку между ногами своего пупсика так, что только головка торчала наружу из-под нее, она закричала: «Смотрите, смотрите! Бэби показался!» Затем, мед-

ленно вытолкнув его целиком наружу, добавила: «Ага, вот теперь он весь вышел». Только вот роль отца остается для нее все еще не совсем ясной, и она фантазирует Бог знает что по этому поводу» [13].

«Этим утром мы с Эммой старались не обращать никакого внимания на доносившиеся из-за двери громкие выкрики: «Мама, подожди!.. Пусти-те меня к себе!.. Ой, папа, а что это ты там делаешь?.. Но не родит же мама прямо в комнате?..» <...> Позже, когда мы уже встали, Агата вихрем влетела внутрь, запрыгнула на кровать, распласталась в ней на животике и давай молотить ножками как лошадка, приговаривая: «Похоже, как папа делает, да? Вот так он делает, правда ведь?» <...> Когда я рассказал об этом слушае коллегам, они уговорили меня описать все это подробно для “Jahrbruch”» [14].

По сравнению с К. Юнгом, З. Фрейд более ответственно подходил к их взаимной переписке, и если долгое время не получал от того ожидаемого письма, то всякий раз посылал встревоженные телеграммы. В 1909 году К. Юнг, находившийся по собственным словам «в диком напряжении», извиняясь за столь поздний свой ответ на одну из подобных телеграмм, в качестве оправдания признается З. Фрейду, что весьма обременен несколькими серьезными проблемами, среди которых его больше всего волновало поведение бывшей пациентки Сабины Шпильрейн.

Случай
с Сабиной
Шпильрейн

«А последней и наихудшей причиной моего молчания послужил взывавший во мне комплекс старого Гарри: моя пациентка, которую несколько лет назад мне невероятными усилиями удалось вывести из глубочайшего невроза, ныне опрокинула все мое доверие к ней и в прах повергла всю нашу былую дружбу, причем сделала это самым обидным способом, какой только можно представить себе. Она закатила мне омерзительный скандал исключительно лишь потому, что я отказал себе в удовольствии зачать с ней ребенка. Никогда не давал ей никакого повода и мое поведение в отношении нее всегда было по-джентельменски безупречным – слов нет, но перед судом чересчур уж чувствительной своей совестью все-таки не ощущаю себя незапятнанным. Это-то и прискорбно, и ранит меня больше всего – в самое сердце, потому что женился я с честными и благородными намерениями, мысли даже не допуская ни о какой измене. Да Вы и сами прекрасно знаете, что дорога в ад вымощена благими намерениями, и как дьявол может опорочить любую, даже самую благую цель. Между тем, в пику абсолютно неадекватной идее о своей полигамности, которая, несмотря ни на какой усердный самоанализ, до сих пор каким-то чудным образом продолжает жить во мне, в браке я уже порядочно понабрался супружеской мудрости. И теперь прекрасно знаю, где и как смогу поставить сатану на колени, лишив его возможности строить мне различные козни. Эти болезненные, однако, крайне целительные и благотворные инсайты чертовски взбаламутили всего меня внутри, но если бы не эта причина, как смею думать, если бы не

Изображение Эммы Юнг, напечатанное в местной швейцарской газете.

Миссис Юнг старалась сгладить возрастающую антипатию между ее мужем и его наставником через письма к З. Фрейду

было во мне такой встряски, то не сохранились бы во мне те моральные качества, которые станут главным моим козырем и спасательным кругом в дальнейшей жизни. Мы с Эммой уверены друг в друге и наши с ней отношения приобретают все большую прочность и глубину» [15].

Эту возникшую проблему с Сабиной Шпильрейн они обсуждали в своих письмах вплоть до самого разреше-

Классический
случай трансферта

ния конфликта, не называя, правда, никаких имен, а просто упоминая известную обоим некую «истеричку», которая «... сама признает, что самое-присамое ее большое желание – это иметь от меня ребенка, ибо почему-то только я один способен выполнить все ее неудовлетворенные капризы».

Это был не только классический случай трансферта, когда пациент проецируется на доктора, а заодно еще и скрытый трансферт непосредственно уже самого врача на своего больного – труднейший момент в их обоюдном психиатрическом взаимодействии, во время которого доктору тоже приходится нивелировать показавшиеся чутьчку наружу аспекты своей души. Но ни к концу лечения, ни в последующие годы балансирования на грани войны друг с другом отношения между ними так и не были выяснены до конца, «пока наконец скрипучее колесо истории не повернулось натужно само собой, после чего окончательно порвал с ней все отношения. Она, разумеется, постоянно строила планы моего обольщения, которые мне удавалось всегда срывать. Ну, а сейчас же она просто ищет случая отомстить мне» [16].

Совет старшего
друга

З. Фрейд, уже зная все это по слухам и из письма самой С. Шпильрейн, дает другу совет с позиций своего большого жизненного опыта:

«Дорогой друг!

Набитые Вам шишки хоть весьма болезненны, все же необходимы, поскольку именно на сделанных ошибках мы учимся познавать жизнь. Мне никогда не доводилось попадать в такую скверную переделку, как Ваша, но поверьте, не единожды ходил по самому краю пропасти, буквально на волосок от гибели. Полагаю, что от падения меня спасали только мой возраст (ведь я был старше Вас на 10 лет, когда пришел в психоанализ) да непреклонные принципы моей работы, которых я строго придерживался. Но, как говорится, нет худа без добра: сперва пара-другая шишек, зато потом – так нужная нам толстокожесть, которая прекрасно сдерживает рвущийся из нас «контроферт», эту вечную нашу проблему <...>.

Путь, которым эти женщины ухитряются обольстить нас, – отдаю должное тому немислимому совершенству, с которым они добиваются своей цели, – один из непревзойденных грандиознейших спектаклей, поставленных самой природой. Вечен и незыблем. Ибо даже созвездия на небе изменяют со временем свою форму.

С искренним уважением к Вам – Фрейд» [17].

Переход
на отцовский тон

Получив от «истерички» Шпильрейн еще несколько писем, З. Фрейд в письмах к К. Юнгу переходит на отцовский тон: «... не заходите слишком далеко в своих раскаяниях и не противодействуйте». Днями позже ситуация резко обостряется, приобретает пиковый характер, и наступивший перелом приносит облегчение для К. Юнга.

«У меня для Вас очень хорошие новости по делу Шпильрейн. Оказывается, я слишком мрачно смотрел на вещи <...>. Позавчера она заявила в наш дом и мы с ней очень мило поговорили <...> не могу сказать, что насмерть замучен угрызениями совести, тем не менее весьма сожалею о совершенных грехах – ну кто же как не я один полностью виноват в том, что моя пациентка размечталась обо мне? <...> Естественно, Эрос не думал, когда мы обсуждали с ней ее желание иметь от меня ребенка. Но моя ошибка в том, что все связанные с этим делом мечты и чаяния я вменял в вину только ей одной, не видя в себе того же самого. Когда же ситуация раскалилась настолько, что наше противостояние могло разрешиться только через половой акт, то стал защищаться, наплевав на мораль: изобразив себя жертвой сексуальных домогательств пациентки, взял да написал письмо ее матери, объясняя, что я – всего лишь доктор, а не потворщик сексуальным прихотям ее дочери, и в категорической форме потребовал избавить меня от этой любвеобильной нахалки. Принимая во внимание, что незадолго до описываемых событий Сабина была моим другом и пользовалась ничем не ограниченным с моей стороны доверием, то эта акция стала мошенничеством чистой воды, в котором сейчас я очень неохотно сознаюсь и каюсь перед Вами как перед отцом» [18].

Поворотный пункт
взаимоотношений
К. Юнга и З. Фрейда

Но недолго К. Юнг воспринимал З. Фрейда как своего отца. На 1909 год пришлись и пик, и поворотный пункт в их взаимоотношениях. Весной, приняв приглашение З. Фрейда, К. Юнг вместе с Эммой гостят у него в доме целых пять дней. Именно в последний, пятый вечер, как потом отобразит он в автобиографии, между ними пробежала черная кошка раздора по вопросу отношения к психическим явлениям.

«Меня очень интересовало, какую позицию занимает Фрейд касательно предвидения и парапсихологии в целом. В 1909 году, когда мы гостили у него в Вене, мне представился случай лично спросить его об этом. А он, руководствуясь, по всей видимости, своими материалистическими воззрениями, напрочь отмел все мои вопросы,

заявив, что они – бессмысленные и глупые, причем объяснил свою точку зрения словами такого поверхностного позитивизма, что я едва сдерживал себя, хотя на языке так и вертелись острые реплики. Тот наш разговор состоялся за несколько лет перед тем, как он все же осознал всю серьезность парапсихологии и признал действительным существование «окультурных» явлений.

Все это время, пока Фрейд продолжал разглагольствовать в одном и том же духе, со мной творилось что-то неладное. Ощущение было такое, словно моя диафрагма под легкими вдруг стала железной, потихоньку начала нагреваться и, в конце концов, раскалилась до красна, превратившись в огнедышащий свод. И в этот самый момент из недр стоящего справа от нас книжного шкафа вдруг раздался громкий хлопок, чем-то похожий на выстрел. Мы оба вскочили, опасаясь, вдруг эта махина свалится на нас; через минуту, оправившись от испуга, я заявил Фрейдю: «Ну вот Вам и прекрасный образчик так называемого каталитического воплощения в жизнь мистического явления!»

Инцидент породил
рост недоверия

«Да бросьте Вы! – воскликнул он. – Болтаете тут черт знает какие глупости».

«Это не глупости, – возразил я. – Вы, герр профессор, ошибаетесь. И чтобы доказать это, я предсказываю, что через миг раздастся еще один выстрел!» Действительно, не успел я произнести этих слов, как внутри шкафа опять что-то сильно грохнуло.

До сих пор так и не знаю, что придало мне тогда такую уверенность. Но в тот вечер я знал, знал без всяких сомнений, что звук обязательно повторится. А Фрейд... он просто в ужасе смотрел на меня во все глаза, ошеломленный таким развитием событий <...> этот инцидент породил рост недоверия ко мне; я же чувствовала себя так, словно сделал ему какую-то гадость» [19].

Освобождение от
давления отцовско-
го авторитета

Вернувшись к себе домой в Кушнат, К. Юнг возобновил свои дебаты с З. Фрейдом. В ответ на свое утверждение, что окончание визита «... внутренне освободило меня от этого удручающего ощущения довлеющего надо мной Вашего отцовского авторитета», он получает от того следующее письмо:

«Дорогой друг!

Странно, не правда ли, что в тот самый вечер, когда я официально признал Вас за своего старшего сына и помазал <...> как крон-принца и своего преемника, Вы смели лишить меня родительского сана, отобрав у меня титул отца, что, по-видимому, доставляет Вам не

меньшее удовольствие, чем получил я, когда со своей стороны жаловал Вас этими званиями. Ныне же опасуюсь, как бы опять мне не впасть в роль отца по отношению к Вам, если выскажу Вам сейчас свое мнение насчет полтергейста. Но я должен рассказать, поскольку моя позиция в корне отличается от той, которую, как Вам кажется, занимаю я. Признаюсь честно, что тогда у шкафа был жутко потрясен Вашими словами и этим экспериментом. <...> Сперва даже намеревался безоговорочно принять их <...> за доказательство, если бы те хлопки, которые мы оба слышали, прекратились бы с Вашим отъездом – но в том-то и загвоздка, что с тех пор полки шкафа «стреляют» постоянно, вне зависимости от хода моих мыслей и никогда не совпадая с моими размышлениями о Вас <...>. Мое легкоеверие или, по крайней мере, моя готовность поверить испарились вместе с магией Вашего личного присутствия в моем доме. Еще раз повторяюсь, что не имея никаких способностей лично «прощупать» все это, кажется совершенно маловероятным существование таких неправдоподобных вещей. <...> Таким образом, цепляю на нос свои массивные очки в роговой оправе и предостерегаю своего дорогого сына: сохраните хладнокровие, ибо лучше не понимать что-либо, чем ради понимания приносить такие большие жертвы. <...>

Надеюсь получить дальнейшие новости о Ваших исследованиях потустороннего мира. Жду их с интересом человека, который хоть и повидал немало чудес, все равно не верит в них.

Искренне Ваш – Фрейд» [20].

Но не одни лишь только разногласия по оккультным явлениям послужили камнем преткновения в тот последний вечер.

«До конца дней своих буду помнить, как Фрейд сказал мне: «Мой дорогой Юнг, пообещайте мне, что никогда не откажетесь от теории сексуальности. В ней – вся суть всего и вся. Поймите, что мы должны возвести ее в догму, сделать из нее непоколебимый оплот». <...> Слова «догма» и «оплот» встревожили меня <...> что не имело больше ничего общего с чисто научным суждением; одна лишь личная мотивация.

Это был удар в само сердце нашей с ним дружбы. Я понимал, что никогда не смогу разделить с ним эту позицию, поскольку под «окулльтизмом» Фрейд подразумевал все то, что философия наряду с религией, включая и зарождающуюся современную психологию, говорили про человеческую душу» [21].

Требования
возведения теории
сексуальности
в «догму» и «оплот»

Тяготы
взаимного анализа

Полгода спустя, когда они оба находились в Африке, З. Фрейд, накрутив себе в уме, что его спутник «желает отцу смерти», прямо в присутствии К. Юнга теряет сознание (впоследствии будет еще один подобный эпизод). Этот трансатлантический вояж наносит еще один смертельный удар по их взаимоотношениям.

«Мы договорились, что каждый день будем анализировать друг у друга виденные накануне сны. В то время у меня как раз был ряд странных сновидений, скрытый смысл которых казался мне весьма важным, но Фрейд, к сожалению, не мог разобраться в них. Я не обижался, понимая прекрасно, что у любого, даже самого лучшего аналитика бывают периоды своеобразного «зависания», во время которых загадки снов остаются неподвластными для ума. Обыкновенное человеческое бессилие, только и всего. И со мной такое бывало, поэтому я ни в коем случае не захотел прекращать на этом основании наши анализы снов. Для меня же самый разгар сновидений Фрейда оказался чрезвычайно ценным и полезным: я отчетливо увидел, насколько полновеснее, опытнее и более зрелой была личность, вследствие чего вновь ощутил себя его сыном. Но вскоре произошло одно событие, которое основательно подорвало наши с ним отношения.

Падение
авторитета
З. Фрейда

В один из вечеров Фрейд поведал мне очередной свой сон – простите великодушно, но у меня нет никакого морального права раскрывать всем вам его суть. Приложив все свои усилия, я истолковал его, насколько мог судить, наилучшим образом, но в конце добавил, что о некоторых деталях мог бы поведать и поболее, если он сообщил бы мне еще какие-нибудь факты своей частной жизни. Вместо ответа Фрейд уставился на меня странным взглядом – взглядом, в котором читалась крайняя подозрительность. Еще пару секунд помедлив, он вымолвил: «Но я не могу ставить под удар свой авторитет!» В этот момент он потерял его полностью. Эти слова каленым железом выжглись в моей памяти и стали концом наших взаимоотношений: Фрейд поставил свой личный авторитет выше правды» [22].

Новые направления
исследования
К. Юнга

К этому времени К. Юнг уже шел и работал по двум не зависимым друг от друга направлениям. По одному из них, внутреннему, увлекаемый своими многочисленными загадочными символическими снами и видениями все глубже в душу, он опускался мимо всего светского, и не задевая ничего светного, прямоиком к тому месту, которое впоследствии он назовет совокупным уровнем подсознания. В результате он начинает жадно изучать мифологию с археологией, христианский гностицизм и

астрологию, постепенно обозначая истоки всего того, чему со временем предстояло стать его главной книгой, в которой изложенные им размышления будут в корне расходиться с точками зрения и мнениями З. Фрейда.

Карьерный рост
К. Юнга

Но это внутреннее, а внешний же путь приводит удачливого профессионала своего дела к новым почестям: его кандидатуру, при поддержке З. Фрейда, утверждают на пост президента Международной ассоциации по психоанализу и на должность редактора соответствующего научного журнала. За серию с блеском прочитанных в Нью-Йорке лекций ему присуждают почетную докторскую степень. Параллельно выходит из печати первая часть его книги «Трансформации и символы либидо» (оригинальное название – «Transformations and Symbols of the Libido»).

«Какая кошка
пробежала между
вами?»

Пришел черед уже З. Фрейду принимать приглашение четы Юнгов погостить у них в доме. Он проводит вместе с ними четверо суток, после которых Эмма, заметив скрытый подтекст во взаимоотношениях двух мужчин, втайне от мужа посылает ему письмо:

«Дорогой профессор Фрейд!

Сама не понимаю, как смогла собраться с мужеством и написать Вам это письмо. <...>

Вы уехали, а меня до сих пор мучает мысль о неполноценности Ваших взаимоотношений с моим мужем. Но ведь это неправильно, не должны они быть такими, и хочу поэтому попытаться, насколько это в моих силах, хоть чуточку подправить их. Не знаю, обманываюсь ли я в своих предположениях, но судя по вашим разговорам, Вы не совсем разделяете взгляды Карла и «Трансформаций либидо». Хотя Вы с ним вообще не касались этой темы, все же мне думается, что обсуждение этой книги пошло бы вам обоим только на пользу. А может, здесь еще что-то кроется? Если так, то прошу Вас, дорогой герр профессор, пожалуйста, скажите мне, какая еще кошка пробежала между Вами и мужем? На Вас же лица не было, когда Вы беседовали, мне очень тяжело было видеть Вас в таком удрученном состоянии, таким безропотным и смирившимся со всем. Пожалуйста, скажите, ведь я прекрасно понимаю, что помимо своих родных детей Вы переживаете <...> также и за духовных сыновей; в противном случае у Вас просто не было бы причины быть в таком скверном состоянии» [23].

«Ну вот, он вырос, и мне пора на покой»

«Дорогой профессор Фрейд!

Вы даже представить себе не можете, как Вы ослепили меня и какой удостоили честию, написав

мне в письме, что полностью доверяете Карлу и всецело уверены в нем. Однако у меня сложилось мнение, что временами Вы чересчур уж уступали его напору, когда кивком головы, но не в душе, Вы соглашались с ним – Вы не видите в нем своего достойного преемника и последователя? Не потому ли Вы так часто уступали, что желали остаться при своем мнении?

Почему вместо того, чтобы и дальше пользоваться успехами своей заслуженной славы, Вы уже подумываете о своей отставке? <...>

Нет, так не годится. Вам следует возрадоваться и до дна испытать счастье победы после такой-то длительной борьбы. И прошу Вас, не думайте про Карла в отцовских чувствах: «ну вот, он вырос, и мне пора на покой». Считайте его подобным себе человеком, который тоже имеет право на работу и достижение совершенства в ней. Не сердитесь на меня.

С любовью и уважением – Эмма Юнг» [24].

Последнее письмо проливает свет на динамику супружеских взаимоотношений в браке К. Юнга с Эммой. Как видно, между ними не все было гладко.

«Мой дорогой профессор Фрейд!

Сердечно благодарю Вас за письмо! Пожалуйста, не беспокойтесь, я не всегда такая унылая, какой была с Вами в своем последнем письме. <...> Вполне довольна своей судьбой и счастлива, только вот временами как накатит и тогда ужасно мучаюсь, не зная толком, как мне сохранить свое достоинство и индивидуальность на фоне Карла. Вы знаете, у меня же нет друзей – все люди, которые общаются с нашей семьей, в действительности хотят видеть одного лишь Карла, за исключением, быть может, пары утомительных и вовсе не интересных мне молодыхчиков.

Естественно, все женщины поголовно влюблены в него, меня же саму мужчины почитают как его жену и мать детей, не более. Но мне тоже нужно общение! Да и Карл постоянно говорит мне, чтоб я не зацикливалась на нем одном и детях, но что я могу поделывать? С моей-то склонностью к самоэротизму это очень трудно <...> потому что никогда не смогу тягаться с ним. И чтобы всячески подчеркнуть это, то в кругу любой собравшейся у нас компании обычно стараюсь ляпнуть какую-нибудь экстраглупость. <...>

Теперь-то Вы понимаете, почему мне всегда становится дурно от одной только мысли, что потеряла Ваше благорасположение; вдобавок опасаясь, что и Карл

Эмма: «Но мне тоже нужно общение!»

может что-то заметить. Во всяком случае, он знает о нашей с Вами переписке – видели бы Вы его удивленное лицо, когда он заметил одно из адресованных мне Ваших писем! Но не волнуйтесь: я отшутилась и не раскрыла ему тайну нашей переписки» [25].

К. Юнг на пороге выбора дальнейшего пути

Перед К. Юнгом встала непростая проблема выбора, от решения которой зависела вся его дальнейшая жизнь. Что он должен дальше делать со своими исследованиями, опубликованными во второй части «Трансформаций...»? Приведенные им трактовки разворачивали грани концепции либидо и табу на инцест так, что полностью расходились со взглядами З. Фрейда.

В тот период их взаимная переписка увековечила растущий кризис.

К. Юнг: «Придется пойти собственным путем»

«Любезнейший профессор!

Теперь по поводу инцеста. Мне оставалось только сожалеть, видя, что за мощные аффекты в ответ на мои предположения Вы мобилизовали под знамена своего контрнаступления. Но полагая, что правда на моей стороне и не видя другого выхода из создавшейся дилеммы, я вынужден с оружием в руках отстаивать свое изложение концепции инцеста. Поймите же, наконец, что я пришел к этой формулировке не на основе своих регрессивных предубеждений, не под влиянием каких-то там мелких мотиваций, – надеюсь, Вам все это сразу станет ясным, когда во II части Вы ознакомитесь с моим кропотливым и сложным исследованием всей этой проблемы <...> Я ведь тоже начал проводить его с желанием еще раз подтвердить господствующие старые взгляды на инцест, но в итоге был вынужден признать, что в действительности же вещи и близко не совпадают с моими ожиданиями. <...>

Смею надеяться, что в недалеком будущем мы с Вами достигнем понимания по спорным вопросам. Ну а пока мне, по-видимому, придется пойти своим собственным путем. Да Вы и сами прекрасно знаете, какие мы, швейцарцы, великие упрямцы.

С наилучшими пожеланиями – Юнг» [26].

З. Фрейд:
«Не совсем ясна природа изменений Вашей позиции»

«Дорогой друг!

Вопрос либидо мы, конечно же, выясним. Только вот мне не совсем ясна природа изменения Вашей позиции по нему и совсем ничего не известно о мотивациях. Зная я чуточку побольше, то сумел бы трезво и объективно взглянуть на эту перемену, ну а сейчас я отдаю себе полный отчет в своем предубеждении. Но даже если мы так и не сможем прийти в скором времени к консенсусу, то не думайте, пожалуйста, что причина нашей

нестыковки во взглядах кроется в наших с Вами личных взаимоотношениях. Разве Вы не помните, что началу нашего знакомства и развитию дружбы не помешали глубокие расхождения по некоторым пунктам?

Ваш Фрейд» [27].

К. Юнг: «Хочу знать Ваши объективные суждения, а не возмущенные эмоции»

«Любезнейший профессор!

Послушайте, это не мой каприз, а дело борьбы за то, что считаю должно являться истиной, поэтому никакое мое личное расположение к Вам не сможет удержать меня. <...> разумеется, я предпочел бы остаться в очень хороших отношениях с Вами, кому я так много обязан, но я хочу знать Ваши объективные суждения, а не возмущенные эмоции. Разве я не заслужил Вашей трезвой и справедливой оценки? Хотя бы лишь тем, что намного больше вложил своих усилий по раскрутке и продвижению психоаналитического движения, чем Рэнк, Стекель, Адлер и иже с ними вместе взятые. Уверяя Вас, что с моей стороны нет никакого противления, пойму любую конструктивную картину, но не потерплю обращения с собой как с дураком, которого все грузят и грузят новыми комплексами.

Со всей искренностью – Юнг» [28].

«Ваш не претерпевший изменений Фрейд»

«Дорогой док. Юнг!

Мало-помалу соглашусь с Вашей статьёй (по либидо) <...> и полагаю ныне, что Вы привели всех нас к великому откровению, хотя и не к тому, какому сами намеревались. По-видимому, Вам удалось раскрыть загадку всего мистицизма, показав, что он базируется на символическом использовании комплексов, давным-давно переживших свои функции.

С уважением к Вам и Эмме – Ваш не претерпевший изменений Фрейд» [29].

«Желание быть понятым интеллектуально оценивается меркой невроза»

«Любезнейший профессор Фрейд!

А в качестве доказательства того, что Вы крайне недооцениваете (позвольте уж употребить мне такой неуважительный термин) мою работу, я сошлюсь на Ваше же замечание, гласящее, что совершенно ненамеренно мне удалось раскрыть загадку всего мистицизма, показав, что он базируется на символическом использовании переживших свои функции комплексов.

Мой дорогой профессор, прошу прощения еще раз, но эта Ваша сентенция отчетливо показала мне, что недооценивая мою работу, Вы тем самым лишаете сами себя возможности понять ее. Вы говорите обо всем этом так, словно я залез на неприступную заоблачную вершину, тогда как на самом же деле я просто очень хорошо покопался в основании всей поры. Все эти годы

этот инсайт был вполне очевидным для нас. Простите меня за откровенность, но я – живой человек, и что поделаться, если изредка огорчаюсь, когда мое естественное желание быть понятым интеллектуально оценивается меркой невроза.

С наилучшими пожеланиями – Юнг» [30].

«Воспринимать объективные утверждения за личное оскорбление»

«Дорогой д. Юнг!

Привычка воспринимать объективные утверждения за личное оскорбление является не только обыкновенной (регрессивной) чертой природы человека, но также характерным недостатком любого венца. Это у нас в крови. Буду только рад, если к Вам это не относится. Но достаточно ли Вы «объективны», чтобы прочитать [Вашу] оговорку без гнева?

«Даже самые близкие друзья Адлера не считали меня Вашим другом».

Несмотря ни на что – Ваш Фрейд» [31].

«Ваша методика обращения с подопечными учениками словно с пациентами – глубокая ошибка»

«Любезнейший профессор Фрейд!

Можете ли Вы выслушать меня всерьез? <...> Ваша методика обращения с подопечными учениками словно с пациентами – глубокая ошибка <...> Вы так и рыскаете кругами в своей округе, вынюхивая любое симптоматическое поведение, превращая таким образом любого найденного человека, который, признав свою вину, залился краской от стыда, в своих сынков и дочек. А Вы, тем временем, возвышаетесь над всеми ними, как снисходительный отец – хорошо устроились, нечего сказать! <...>

Поймите, мой дорогой профессор, я достаточно Вас уважаю, чтобы осудить за то, что во мне Вы тоже нашли симптоматические действия – да они ничто, сущий пустяк по сравнению с тем бревном, которое Вы не замечаете в своем собственном глазу. Не подумайте, я не неврастеник какой-нибудь – тьфу! Тьфу! Тьфу! Я давно уже привык <...> к анализу, и это для меня самое лучшее. Вам, разумеется, известно, как далеко в своем самоанализе может пойти больной, но – не выйти из невроза, что и наблюдается в Вашем случае. Если Вам все же удастся полностью избавиться от своих комплексов, если прекратите играть роль отца и вместо выискивания у своих сыночков всяких разных болячек Вы посмотрите на свои собственные язвы и попытаетесь измениться, то тогда я подкорректирую свои пути и одним рывком вырву с корнем все свои плохие мысли о Вас. <...>

Предвижу, Вы очень сильно обеспокоитесь этим моим странным знаком дружбы, тем не менее он может пойти Вам на пользу.

С самыми наилучшими пожеланиями – искренне
Ваш Юнг» [32].

«Отныне мы целиком и полностью разрываем все отношения друг с другом»

«Мистер Президент, дорогой доктор! 03.01.1913
Ваше голословное утверждение, что со своими последователями я обращаюсь как с больными – полностью неверно. В Вене меня упрекают за прямо противоположное. <...>

Вот только так и никак иначе я могу ответить на Ваше последнее письмо, которое породило ситуацию, весьма трудно разрешимую в личном разговоре и вообще никак в письмах. По негласному договору психоаналитиков никто из нас не должен стыдиться проявления хоть малейшего своего невроза. Но тот, кто своим поведением вытворяет Бог знает что, кричит во все горло о своей нормальности, дает другим коллегам почву подозревать его в неспособности распознавать в себе болезнь. Таким образом, подводя итог сказанному, полагаю, что отныне мы целиком и полностью разрываем все отношения друг с другом» [33].

(Продолжение следует)

1. Memories, Dreams, Reflections by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 367.

2. The Freyd/Jung Letters, edited by William McGuire. London: Hogarth Press and Routledge and Kegan Paul, 1974. P. 4–5.

3. Ibid. P. 5.

4. Memories, Dreams, Reflections by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 149–150.

5. Jolande Jacobi, Oral History Project, cited in Uncovering Lives: The Uneasy Alliance of Biography and Psychology by Alan C. Elins. New York: Oxford University Press, 1994. P. 68–69.

6. The Freyd/Jung Letters, edited by William McGuire. London: Hogarth Press and Routledge and Kegan Paul, 1974. P. 94–95.

7. Ibid. P. 96–97.

8. Ibid. P. 325.

9. Ibid. P. 181,183.

10. Ibid. P. 184.

11. Ibid. P. 199–200.

12. Ibid. P. 200.

13. Ibid. P. 208.

14. *Ibid.* P. 212.
 15. *Ibid.* P. 207.
 16. *Ibid.* P. 228.
 17. *Ibid.* P. 230–231.
 18. *Ibid.* P. 236.
 19. Memories, Dreams, Reflections by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 155–156.
 20. The Freyd/Jung Letters, edited by William McGuire. London: Hogarth Press and Routledge and Kegan Paul, 1974. P. 218–220.
 21. Memories, Dreams, Reflections by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 150–151.
 22. *Ibid.* P. 158.
 23. The Freyd/Jung Letters, edited by William McGuire. London: Hogarth Press and Routledge and Kegan Paul, 1974. P. 452.
 24. *Ibid.* P. 456–457.
 25. *Ibid.* P. 467.
 26. *Ibid.* P. 509.
 27. *Ibid.* P. 510.
 28. *Ibid.* P. 516.
 29. *Ibid.* P. 524.
 30. *Ibid.* P. 525–526.
 31. *Ibid.* P. 534.
 32. *Ibid.* P. 534–535.
 33. *Ibid.* P. 538–539.
-

